

Расулова Мээрим Мелисовна

ДИАЛОГ-СПОР КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ИСТИНЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В КЫРГЫЗСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. АЙМАТОВА "ПЛАХА", Б. УСУБАЛИЕВА "ДЕНЬГИ", "СТАРУХА")

В статье рассматриваются и анализируются некоторые вопросы функционально-семантического типа диалога: природа, семантика, языковой аспект диалога-спора в кыргызских произведениях. В результате анализа произведений кыргызских писателей получены выводы о том, что спор в речи коммуникантов не только выявляет бытовые стороны решения проблемы, но и отражает человеческий характер, интеллект и психологическое состояние спорящих, что сказывается на динамике и кульминации произведений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 163-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. М. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. С. 13-18.
10. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 7. С. 3-15.
11. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141-172.
12. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
13. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. 327 с.
14. Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словообразование // Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. С. 133-452.
15. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. 242 с.

THE ROLE OF WORD-FORMATIVE RESOURCES IN REPRESENTING TELEUT LINGUISTIC WORLDVIEW

Proskurina Anastasiya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kemerovo State University
proskurina@yandex.ru

The article is devoted to modeling linguistic worldview of the Teleuts – one of the small aboriginal peoples of Russia – by word-formative resources of their native language. The research is focused on Teleut derivative units participating in the propositional and semantic filling of the culturally valuable frame “Horse breeding”. The analysis of word-formative semantics of the investigated nominations associatively connected with horse helps to identify and describe the basic aspects of its interpretation by the representatives of Teleut ethnoses.

Key words and phrases: word formation; categorization; propositions; frame “Horse breeding”; worldview; Teleut language.

УДК 808.5

В статье рассматриваются и анализируются некоторые вопросы функционально-семантического типа диалога: природа, семантика, языковой аспект диалога-спора в кыргызских произведениях. В результате анализа произведений кыргызских писателей получены выводы о том, что спор в речи коммуникантов не только выявляет бытовые стороны решения проблемы, но и отражает человеческий характер, интеллект и психологическое состояние спорящих, что сказывается на динамике и кульминации произведений.

Ключевые слова и фразы: кыргызский язык; диалог; спор; реплика; полемика; речь.

Расулова Мээрим Мелисовна

*Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева, Кыргызская Республика
merira1@rambler.ru*

ДИАЛОГ-СПОР КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ИСТИНЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В КЫРГЫЗСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. АЙТМАТОВА «ПЛАХА», Б. УСУБАЛИЕВА «ДЕНЬГИ», «СТАРУХА»)

Речь людей – это очень сложное явление. Лишь посредством речи люди разбираются во взаимоотношениях, неожиданно проявляют невидимые большинству черты характера, укрепляют, а иногда, наоборот, разрушают отношения. Это явление осуществляется посредством диалога. Как известно, диалог (греч. *Dialogos* – беседа) – форма речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами [4].

В кыргызском языкознании вопросы, касающиеся природы диалога, его семантики, прагматики, до настоящего времени не были изучены. Поэтому в настоящей статье сделана попытка рассмотреть некоторые стороны проблемы диалога в языке через изучение функционально-семантических особенностей диалога, точнее говоря, семантики и функции диалога-спора, и других вопросов, касающихся лингвистической природы диалога.

Спор – особый вид речи, в котором может проявиться истина, прийти решение, в котором проблема может принять односторонний характер. Он может происходить между знакомыми и незнакомыми людьми, между миролюбиво или враждебно настроенными людьми. Разговор сторон, вступивших в спор, происходит в соответствии с миропониманием, познанием, темпераментом людей, и его тема и динамика начинают зависеть от создавшейся обстановки.

Поскольку главной задачей диалога-спора является приход к удобному заключению, поискам истины, в нем поднимается проблема, в решении которой заинтересованы обе стороны. Так как диалог, происходящий

в процессе спора, является особо динамической, кульминационной частью художественного произведения, было принято решение остановиться на некоторых примерах диалога в произведениях кыргызской литературы.

В романе «Плаха» Ч. Айтматова между Базарбаем и Бостоном возникает спор, обостряющий обстановку. Обратим внимание на диалог Бостона и Базарбая, обладающих разными характерами и темпераментом.

Пример 1

– Не говори глупостей, Базарбай. Давай поговорим как мужик с мужиком. Какая тебе разница, кому продать волчат [7, с. 128]? / – *Кой баланын жоругун жасаба, Базарбай! Кел, ажылдашпай, эркекче сүйлөшөлү. Бөлтүрүктөрдү кимге сатканың, сага баары бир эмеспи* (здесь и далее перевод А. Токтогулова) [1, с. 312]?

– А такая! Не тебе меня учить. И без тебя ученый. А если хочешь, я тебе такое устрою, что на своем партийном собрании, где ты все выступаешь, я, мол, всем передовикам передовик, всех уму разуму учишь, так вот я тебе там такое устрою, что позабудешь, откуда солнце исходит и куда заходит. Такое устрою, что век не забудешь [7, с. 128]! / – *Баары бир эмес. Сен мага акыл үйрөтпөй эле кой. Мен сенсиз эле акылдуумун. Мен сага көргүлүктү көргөзүп коём, көргөзгөндө да партиялык чогулушуң бар эмеспи, сен төшүңдү каккылап, мен алдыңкынын алдыңкысымын деп койкоңдоп элдин баарына акыл үйрөтүп олтурган чогулушуң, так ошо чогулушуңдун өзүндө көргөзөм – башканы кой, атың ким десе таппай каласың. Атаңды бир таанытам сага – эки дүйнөдө эсиңен кеткис болот* [1, с. 313]!

– Ну и ну! – искренне удивился Бостон, невольно отгораживаясь от Базарбая рукой. – Ты постой меня пугать, объясни, за что ты так взъелся [7, с. 128]? / – *Ой-тооба! – Чын дилинен таң калды Бостон, Базарбайдан коргонуп аткандай колу менен жазгана берип, айтты: – Сен опузалабай коё туруп, түшүндүрчү, эмне эле мынча оңураңдабатасың* [1, с. 313]?

– За что взъелся? А за то! Ты против властей идешь. Ясно! Один ты умный! Начальство требует уничтожать повсюду хищников, а ты решил волков миловать, решил размножить – так выходит? Подумай сам кулацкой своей головой! Я целый выводок извел, стало быть, большую пользу государству принес, а ты хочешь подложить их в логово. Пусть растут, пусть плодятся – так, что ли? Да еще меня подкупить хочешь [7, с. 128]! / – *Оңураңдайм, оңураңдай турган жөнүм бар. Сен бийликке каршы чыгып атасың түшүндүңбү! Бизде да көз, бизде да акыл бар! Чоңдор жырткыч айбандарды аёосуз жок кылгыла дебатат, а сен карышкырларды эркектип, көбөйтүп өстүрсөм дейсиң – ушуну көздөбатасың, же жалганбы? Сен илгерки кулактардын өзүсүң, алдагы кулактардын аң-сезимине жык толгон башың менен ойлонуп көрчү! Мен карышкырлардын үңкүрүндөгү тукумду бүт жоготтум, демек, мамлекетке чоң пайда апкелдим, а сен аларды кайра чуңкурга алпарып салам деп олтурсуң. Өсө берсин, көбөйө берсин дегениң да, туурабы? Анан да мени сатып алгысы бар* [1, с. 313]!

– Рассказывай, рассказывай, ишь выискался адвокат волчий. Пойди докажи – кто тебе поверит? Рассказываешь о волках как о людях, привык вкручивать мозги. Да я тебя вижу насквозь! Я тебе другое скажу. Если ты приперся сюда на меня давить... – Базарбай, не договорив, сорвал шапку с лысой головы, подскочил к Бостону: ни дать, ни взять крутолобый бык, – и они сошлись вплотную, лицом к лицу, оба сопели, их душила ненависть [7, с. 128]. / – *И, айт, айта түш. Карышкырлардын адвокаты кайда десе – биерде жүргөн турбайбы. Сенин айтыбатканыңа ким ишенет – кана, далилдеп берчи! Карышкырлар антет, карышкырлар минтет деп, тимеле чогуу жүргөн кишилердей сүйлөйт, элдин башын айлантып жүргөнүн карасаң. Эй, мен сенин ичинде эмне бар экенин көрүп турам! Мен сага айтып коёюн: эгер биерге мага кыр көрсөткөнү келген болсоң... – Базарбай сөзүн бүтпөй, чачы жок жалтыраган башынан тумасын жулуп алып, Бостондун маңдайына ыргып жетти, кебетеси дүңкүңдөп сүзө качырган буканын эле өзү, – экөө сүзүшчүдөй болуп көкүрөктөрү тирешип, бетме-бет туруп калышты, экөө тең күш-күш этет, экөөнүн тең бири бирине жек көрүүсү кайнап чыккан* [1, с. 313].

Невербальные средства (сорвал шапку, подскочил) или сравнения (ни дать, ни взять, крутолобый бык), глаголы (сопели), используемые в авторской ремарке, а также повторы, подчеркнутые нами в репликах, подтверждают переход диалога из статистического состояния в динамическое.

Дальнейшее развитие диалога обуславливает тема-рематическую связь и приводит к пропозиционному результату в тексте.

– Ну, что еще ты хочешь мне сказать? – охрипшим от напряжения голосом сказал Бостон. – А то некогда мне [7, с. 128]! / – *Эмне айтмакчысың дагы? – Туталанган Бостондун үнү каргылдана түштү. Айт, убактым жок* [1, с. 314].

– Я всегда знал, что ты жмот, себе на уме, только под себя гребешь, потому и по собраниям таскаешься – без тебя там, пастуха, не обошлись. Только никто не знает, что ты от зависти подыхаешь, как собака, когда кому что-то светит. Не ты, видишь ли, взял добычу, не ты огреб выводок, тебе вот и нейдет, вот ночи и не спишь, когда у кого хоть какая-то удача [7, с. 312]! / – *Мен эбактан билем, сен ач көзсүң, битирсиң, митаамдыгың жанда жок, өз көмөчүңө гана күл тартып, өз гана пайдаңды көздөйсүң, ошон үчүн чогулуш калтырбай катышасың, болбосо сага окшогон чабансыз эле өткөрүп коюшат алар. Сыртынан антип мыкты болумуш этип жүрөсүң. Ал эми бирөөнүн колунан жылтыраган бирдемени көргөндө сен ичи тардыгыңан, көрө албастыгыңан жарылып өлүп кете жаздарыңды эч ким билбейт. Мына бул олжону сен албай, мен алып каладымбы, ушун үчүн ичиң ачышып, жаның күйүп жатат. Биякта бирөөнүн иши оңунан чыгыбатса сен балакетти тынч алып уктайсыңбы* [1, с. 314]!

– Тыфу ты! – не стерпел Бостон. – И я еще разговариваю с таким гадом! Да сам я дурак! Знал бы, не приехал! Кончай разговор! Все! Теперь если и отдашь волчат – не возьму. Иди, делай свое дело [7, с. 128]! / – *Тфу, ата! – чыдабай кетти Бостон. – Мен эртеден бери эмне деген жүзүкара менен сүйлөшүп отургам!*

Мен өзүм акмакмын! Эмнеге келдим дейм да! Токтот сөзүңдү! Бүттү! Эми бөлтүрүктөрдү берсең да албайм. Бар ишиңди жасай бер [1, с. 315]!

Как видно, наблюдается длительность реплик диалога-спора, в некоторых случаях – процесс перехода от диалога к монологу, большинство предложений в репликах с синтаксической точки зрения являются полными, использование в необходимых случаях восклицательных и повелительных предложений увеличивает динамику диалога.

В споре основное ударение ставится на речь экспрессивного и эмоционального плана, что особенно наблюдается в репликах Базарбая. Экспрессивность в них увеличивается за счет контекстных синонимических параллелей: *такое устрою – позабудешь, откуда солнце всходит и куда заходит – такое устрою, что век не забудешь*, а также фразеологических эквивалентов, типа: *ты жмот, себе на уме – под себя гребешь* или: *от зависти подыхаешь – ночи не спишь, когда у кого-то хоть какая-то удача*.

Как показатель эмоциональности, слова Базарбая *За что взъелся? А за то!* дают знать о нагнетании обстановки, здесь эмоционально окрашенный глагол передает психологическое состояние человека в тот момент. Если же обратить внимание на речевой тон коммуникантов, тон Базарбая озлобленный, язвительный, насмешливый, а репликам Бостона присущи уверенность в себе и сдержанность.

В трудах Г. В. Бороздиной рассматриваются различные виды спора: дискуссия, диспут, полемика, дебаты, среди которых она отмечает особый характер полемики: «...полемика (от древнегреч. *polemikos* – воинственный, враждебный). Poleмика – это не просто спор, а такой, при котором имеется конфронтация, противостояние, противоборство сторон, идей и речей» [2, с. 159], говоря другими словами, полемика – это не просто спор, в ней имеют место ярко оппозиционные мировоззрения участников, которые эксплицируются как экспрессивными вербальными, так и невербальными средствами.

Следовательно, диалог между Базарбаем и Бостоном не просто спор. Это – полемика, поскольку между двумя коммуникантами существует оппозиция, жесткая конфронтация (лат. *противостояние*).

В диалоге-споре, в отличие от диалога конфликтного характера, не ожидается какого-либо существенного решения вопроса. В полемике коммуникантов выявляется согласие или несогласие одного с другим, вместе с тем это субъективное явление, характеризующее уровень их человечности и интеллекта, в этом типе диалога проявляются эмоциональная и экспрессивная стороны речи.

Диалог-спор не всегда происходит так, как в приведенных выше примерах. В некоторых случаях спор юных коммуникантов сопровождается внесением чего-нибудь нового в их миропонимание.

Пример 2

– *Сен, эмне, малайсыңбы* [5, с. 32]? / Ты что, батрак (здесь и далее перевод автора статьи. – Р. М.)?

Тиги чочуп кетти [Там же]. / Тот встрепенулся.

Жок, ким айтты [Там же]? / Нет, кто тебе сказал?

Эч ким [Там же]. / Никто.

Мен малай эмесмин! – деди ардангандай. – Мен иштеп жатам [Там же]. / Я не батрак! – сказал он, обиравшись. – Я работаю.

Малай деле иштейт да [Там же]. / Батраки тоже ведь работают.

Малай акы албай иштейт. – Ал мага тушүндүрө баштады. – А мен акы алам; канча иштесем, ошого жараша акча алам [Там же]. / Батракам не платят за работу. – Он начал объяснять мне. – А я получаю деньги; сколько заработаю, столько и получаю.

Көп акча аласыңбы [Там же]? / А ты много получаешь?

Тиги ооба дегендей башын ийкеди [Там же]. / Тот утвердительно кивнул головой.

Көп акчаны кишилер алат да. Сен, эмне, кишисиңби [Там же]? / Много денег получают люди. А ты что, человек?

Анан киммин? Кишимин да. Сен да кишисиң [Там же]. / А кто же я тогда? Я человек. И ты человек.

Ооба, саа, мен киши эмесмин. Сен да киши эмессиң [Там же]. / Нет уж, я не человек. И ты не человек.

Анан киммин [Там же]? / А кто я тогда?

Баласың. Апам айткан. Сени бала экен деген. Мени да баласың дейт. Балага акчанын эмне кереги бар дейт. Атам да айтат – сени кичинекей эле бала дейт [Там же]... / Ты дитя. Мама сказала. Она сказала, что ты, оказывается, ребенок. Говорит, зачем ребенку деньги. И отец говорит – ты еще маленький...

Ал мойнуна алгандай үндөй албады. Кыйладан кийин ылайдан чыкты да, кетменин таянып туруп калды [Там же]. / Он, будто виноватый, замолчал. Спустя долгое время он вылез из мокрой глины и оперся о кетмень.

Мен кишимин, – деди анан ойлуу. – Иштеп жатам, бөбөктөрүмдү багып жатам. Демек, кишимин [Там же, с. 33]. / Я – человек, – сказал он задумчиво. – Работаю, содержу младших. Значит, я человек.

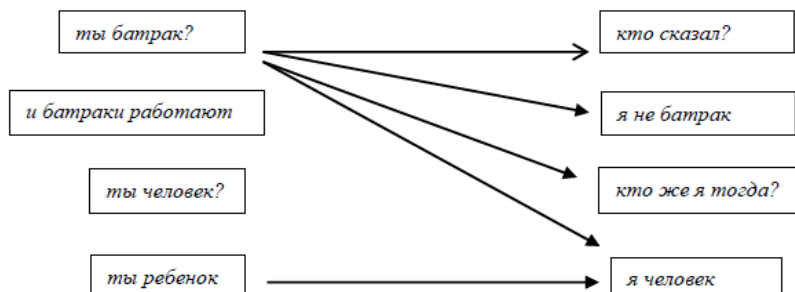
Алдаба, – дедим мен күлүп, – багып жатам деп коёт. Атаң багат да. Мына бизди баарыбызды атам багат. Апамды да атам багат [Там же]. / Не ври, – сказал я, засмеявшись, – говоришь, содержишь. Содержит отец. Вот нас всех содержит отец. И нашу мать тоже содержит отец.

Ал күлүмүш болду. Чылаган ылайын тиктеп, азга турду да, маанайы пас: – Атам жок. Өлүп калган, – деди [Там же, с. 32-33]. / Он тоже вроде улыбнулся. Посмотрев на замешанную глину, постоял немного и сказал упавшим голосом: – Отца нет. Умер.

В данном примере вместе с тем, что диалог двух мальчиков происходит будто бы в обычной обстановке, на определенном уровне здесь имеет место интенция или спор за утверждение истины. Слово «киши» (человек),

которое в контекстах может функционировать в значении «взрослый, самостоятельный», в данном отрывке использовано для конкретизации роли в обществе одного из участников диалога.

Если этот спор рассматривать в виде схемы, то разговор между двумя коммуникантами – это не просто беседа, это видение мира подростками, попытка развязать узел имеющимися понятиями. Таким образом, один из коммуникантов, не согласившись на вопрос *ты батрак?* и объясняя свое состояние, как оппонент доказывает это своими репликами.

Построение реплик вопросами, длинные стрелки, данные в схеме, демонстрируют открытый характер выражения мыслей мальчика, семантику диалога-спора.

В примерах 1, 2 участники – одинаковой возрастной категории, спор проходит в различной обстановке, а пример 3 отличается тем, что возраст и пол спорящих расходятся, следовательно, реплики оппонентов отличаются эмоционально-экспрессивными оттенками.

Пример 3

Уулум, сен таза акмак белемсиң! Эмне үчүн кесир сүйлөйсүң, эмне үчүн адамдарды мынчалык кор тутасың? Же баштан кечип жүргөн немесиңби?! Сен адам болбойсуң [Там же, с. 92]! / Сынок, ты настолько глуп, что ли! Почему говоришь надменно, почему унижаешь людей? Или хочешь перепрыгнуть через головы людей?! Ты не будешь человеком!

Адам ким экендигин, эмне үчүн жашай тургандыгын сиз билем деп ойлойсузбу? Өзүңүздү адамдын деп ойлойсузбу? – деди Сапар жулдунуп [Там же]. / Разве вы думаете, что знаете, кто такой человек, для чего живет? Считаете себя человеком? – сказал Сапар, вскочив.

Ооба. Адам алына жараша жашайт, алына жараша ийбарат кылат. Минтип жүрсөң, балам, сенден эч нерсе калбайт. Сенин жашап өткөнүң да билинбейт, балдарың сендей ата күткөнү үчүн өмүр бою нааразы болуп жүрүп өтүшөт. Тизгиниңди тарт, уулум [Там же, с. 93]! / Да. Человек живет по мере своих возможностей, по мере своих возможностей старается быть примером. Если будешь продолжать в таком духе, сынок, за тобой ничего существенного не останется. Неизвестно будет, как ты жизнь прожил, дети твои всю жизнь будут проклинать такого отца, как ты. Обуздай себя, сынок!

А өзүңүз кыйратып жашадым деп ойлойсузбу, дегу бирдеме калтырдыңызбы [Там же, с. 92]?! / А сами-то как, думаете, достойно жизнь прожили, хоть что-то осталось после вас?!

Ооба. Өзүмдүн алыма жараша калтырдым, калтырып да жатам [Там же, с. 93]! / Да. По мере своих возможностей оставила, продолжаю оставлять!

Данный диалог-спор имеет философскую окраску осознания жизни, тем самым предпринимается попытка выявить истину сущности жизни. В речи первого оппонента доминируют спокойствие, разум, это подтверждается посредством обращения *уулум* (сынок) и уверенным тоном, которым он пытается «обуздать» оппонента. Речь второго оппонента – молодого резвого мужчины, обращенная к старухе, – сопровождается грубостью, злостью, из его реплик можно заметить такие нарекания, как *считаете себя человеком; разве вы думаете; думаете, достойно жизнь прожили*, которые составляют ядро спора. В кыргызском мировоззрении спор в повышенном тоне с человеком старшего возраста абсолютно недопустим. Несмотря на такой неукоснительно соблюдаемый закон в национальной этике поведения со старшими, второй оппонент третьего примера переступил намеченную черту, тем самым накалив обстановку спора. Итак, семантически такой диалог можно назвать спором, вследствие которого можно выявить характер и мировоззрение спорящих.

Если задачи в диалоге-споре – найти истину, убедить оппонента, бороться за победу в споре, то в примере 1 одинаково ставятся эти три задачи. В примере 2 убеждение оппонента в своей правоте направлено посредством спора на выяснение реальности жизни. Пример 3 нацелен на выявление истины философским взглядом.

Рассмотрев фактические материалы, мы смогли выявить следующие признаки диалога-спора:

- длительность реплик диалога-спора (в примере 1);
- переход диалога в монолог;
- наличие повторов и ярко выраженных языковых средств;
- эмоциональность, экспрессивность окраски реплик.

Исходя из вышеизложенного материала, можно утверждать, что диалог-спор функционально обуславливает динамику произведения, а иногда кульминационный момент в отношениях коммуникантов. Семантика

такого диалога определяется наличием экспрессий, эмоций и выявлением истины на бытовом и более уровне, отражением национального менталитета.

Безусловно, невозможно ограничиться приведенными примерами для демонстрации всех разновидностей споров в речевых актах между коммуникантами. Спор нацелен на решение мелких и крупных конфликтов, и его актуальность во всех сферах человеческой деятельности с позиций любых временных параметров безгранична.

Список источников

1. **Айтматов Ч. Т.** Чыгармаларынын сегиз томдук жыйнагы. Бишкек: Учкун, 2009. 5 том. 504 с.
2. **Бороздина Г. В.** Психология делового общения: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2006. 224 с.
3. **Валюснинская З. В.** Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста / отв. ред. Г. А. Золотова; Институт русского языка (Академия наук СССР). М.: Наука, 1979. С. 299-314.
4. **Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: справочное пособие. М.: Просвещение, 1985. 357 с.
5. **Усубалиев Б.** Тун. Повесттер. Бишкек: Авразия, 2009. 412 с.
6. **Хисамова Г. Г.** Социально-психологические типы языковых личностей в рассказах В. М. Шукшина // Филологические науки. М., 2008. № 4. С. 100-109.
7. www.thelib.ru/books/aytmatov_chingiz/plaha.html (дата обращения: 15.09.2017).

**DIALOGUE-DISPUTE AS A TOOL OF DETECTING THE TRUTH AND HUMAN CHARACTER
IN THE KYRGYZ WORLD OUTLOOK (BY THE MATERIAL OF THE WORKS
BY CH. AITMATOV "THE SCAFFOLD", B. USUBALIEV "MONEY", "THE OLD WOMAN")**

Rasulova Meerim Melisovna

*Bishkek Humanities University named after K. Karasaev, Kyrgyzstan
merira1@rambler.ru*

The article deals with some questions of the functional-semantic type of a dialogue: the nature, semantics, and linguistic aspect of a dialogue-dispute in the Kyrgyz works. Analyzing the works of the Kyrgyz writers, the author concludes that a dispute in the speech of communicators reveals not only the domestic sides of solution of the problem, but it represents the humans character, intelligence and psychological condition of disputants, which affects the dynamics and the culmination of the works.

Key words and phrases: Kyrgyz language; dialogue; dispute; remark; polemics; speech.

УДК 811.161.1:811.512.122'373.2

Статья посвящена научно-аналитическому обзору состояния русской ономастической системы современного Казахстана. Установлено, что переименованиям подверглись в основном названия населенных пунктов Казахстана, но нетронутыми остались названия физико-географических объектов: озер, речек, лесных массивов, роц, холмов, также многих населенных пунктов. Рассмотрены случаи межъязыковой интерференции в сфере топонимобразования, свидетельствующие об устойчивом влиянии русского языка на процесс ономообразования казахского языка, в особенности ойконимов и гидронимов.

Ключевые слова и фразы: русская ономастика; топоним; ойконим; переименования; межъязыковая интерференция; эргонимы.

Рысберген Кыздархан Курмашкызы, д. филол. н., доцент

*Институт языкознания имени А. Байтурсынова, г. Алма-Ата, Республика Казахстан
ms.rysbergen@mail.ru*

**РЕАЛИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ
В РУССКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАЗАХСТАНА**

Русский язык в современном информационно-коммуникативном пространстве Казахстана представляет собой специфически неповторимую подсистему русского национального языка. Специфически в том плане, что русский язык в полиэтничном и в основном казахскоязычном окружении в обязательном порядке вбирает в себя элементы казахского языка. Однако русский язык отдавал и отдает гораздо больше (не только казахскому языку) в силу исторически сложившихся традиций, объективных социально-культурных, политических и иных реалий в прошлом и настоящем.

Языковая интерференция происходит на всех уровнях языка, в основном лексическом и словообразовательном. Но объектом исследования нами выбрана только онимическая лексика, которая, в свою очередь, требует рассмотрения не в одной монографии. Из-за огромного объема и направлений заданной темы попытаемся в тезисно краткой форме изложить ее суть.